

ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧАЛА XVII ВЕКА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Л. В. МИЛОВА

ГЛАВА 12. РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV—XVI В.

§ 1. Объединение русских земель в едином Русском государстве и изменения в отношениях власти и общества

С середины XV в. начался и в начале 1520-х гг. завершился процесс подчинения отдельных земель и княжеств Северо-Восточной и Северо-Западной Руси власти великого князя московского, присоединения этих земель к его непосредственным владениям. К 1520 г. под властью великого князя московского объединились княжества Северо-Восточной Руси, Новгородская и Псковская земли на северо-западе Руси, значительная часть Смоленской земли с ее главным центром — Смоленском, Рязанская земля и большая часть Черниговской земли — так называемые верховские княжества черниговских князей в верхнем течении реки Оки и лежавшая к югу от них Северская земля с главными центрами в Новгороде Северском и Чернигове.

Присоединение этих территорий к владениям великого князя московского осуществлялось разными методами и имело поэтому различные последствия для их населения, прежде всего для верхушки местных землевладельцев.

Присоединение княжеств Северо-Восточной Руси к владениям Москвы

Если в конце XIV — начале XV в. Василию Дмитриевичу пришлось вести упорную борьбу за присоединение Нижнего Новгорода к своим владениям, то во второй половине XV — начале XVI в. присоединение княжеств Северо-Восточной Руси к владениям московских великих князей Ивана III (1462—1505 гг.) и его сына Василия III (1505—1533 гг.) происходило в основном мирным путем, и московские князья в своей политике не сталкивались с серьезным сопротивлением. В начале 60-х гг. XV в. ярославский князь Александр Федорович «продал Ярославль» Ивану III. Ещё раньше, в правление Василия II, такие влиятельные в княжестве обитатели, как Толгский и Спасо-Каменный монастыри, разорвав свои связи со своими ярославскими патронами, перешли под покровительство великого

князя московского. В 1474 г. примеру Александра Федоровича последовали ростовские князья, которые продали Ивану III свою половину Ростова. Последний великий князь тверской Михаил Борисович (1461—1485) в правление Ивана III из самостоятельного правителя фактически превратился в вассала московского государя, посылавшего войска в походы по его приказу. Ради сохранения самостоятельности Михаил Борисович в 1484 г. попытался заключить договор о союзе с литовским князем Казимиром, дополнив его браком с родственницей великого князя литовского. Однако Иван III послал в Тверскую землю свое войско, и Михаил Борисович был вынужден заключить договор, по которому он уже и формально признал себя «братом младшим» Ивана III и обязался прервать всякие сношения с Литвой. Когда после этого в руки великого князя московского попали грамоты тверского князя Казимиру, на Тверь двинулся с войском сам Иван III. Попытки сопротивления тверского князя не встретили поддержки населения, и в сентябре 1485 г. Михаил Борисович бежал в Литву. Важно подчеркнуть, что еще до присоединения Твери сначала в 1476 г., а затем в начале 1485 г. многие тверские бояре и некоторые удельные князья уже перешли на службу к Ивану III. Последние рязанские князья, братья Иван и Федор Васильевичи, поделившие между собой Рязанское княжество после смерти их отца в 1483 г., уже были вассалами Ивана III, послушно ходившими в походы по его приказу. В 1503 г. бездетный князь Федор, умирая, передал свой удел Ивану III. В другой части княжества сидел в первых десятилетиях XVI в. сын второго брата — Ивана Васильевича, Иван. Когда в Москву пришли сведения о каких-то его переговорах с крымским ханом, в 1520 г. его вызвали в Москву и арестовали, а население княжества без какого-либо сопротивления подчинилось власти Василия III. Все это позволяет сделать вывод, что в сознании феодалов-землевладельцев Северо-Восточной Руси на протяжении XV столетия произошли важные перемены: они больше не были заинтересованы в сохранении самостоятельности своих княжеств.

С присоединением к Москве этого круга земель не произошло значительной ломки существующих социальных структур. Правда, главные центры отдельных земель и значительная часть территорий перешли под управление великокняжеских наместников, но местные князья сохранили за собой обширные владения на территориях своих бывших княжеств. Они первоначально оставались настоящими «государями», не уплачивавшими налогов и обладавшими всей полнотой административно-судебной власти над зависимым населением. Однако постепенно князья стали входить в состав правящей элиты Русского государства, получая от великого князя военные и административные назначения: князья суздальские и ярославские стали назначаться на посты наместников в городах в 70—90-х гг. XIV в., тверские князья — в первом десятилетии XVI в. Положение их владений постепенно приближалось к положению обычных крупных вотчин, но

произошло это далеко не сразу. Бояре и дети боярские — вассалы местных князей — стали вассалами великого князя московского. Их верхушка к середине XVI в. вошла в состав великокняжеского двора, что давало им право на получение военных назначений и кормлений на всей территории Русского государства. Что касается местных монастырей и соборов, то теперь их ктиторм-патроном со всеми вытекающими отсюда правами становился великий князь московский.

При присоединении этих территорий государственная власть сделала местным землевладельцам серьезную уступку: «уложение» Ивана III устанавливало, что в этих землях «мимо тех городов людем вотчин не продавати», т. е. люди из других уездов не могли приобретать здесь вотчин; земельные сделки с такой землей могли производиться только в кругу землевладельцев соответствующего административного округа; владения членов княжеских родов также могли продаваться лишь в семейном кругу. Конечно, дело не обошлось без конфискации земель у отдельных бояр и детей боярских, но эти действия явно не достигали такого размаха, чтобы изменить судьбу целых социальных слоев. В частности, о таких мерах власти говорится в рассказе Ермолинской летописи о присоединении Ярославского княжества.

Еще более осторожный характер носила политика великокняжеской власти по отношению к правителям «верховских княжеств», которые с началом русско-литовских войн на рубеже XV—XVI вв., порвав свою зависимость от Литвы, перешли на сторону Ивана III. Хотя «верховские князья» уже в 20—30-х гг. стали входить в состав Боярской думы московского князя, в своих владениях они пользовались всей полнотой власти вплоть до середины XVI в.

Присоединение Новгорода и Пскова к единому государству

По-иному складывались отношения великих князей московских с Новгородом. Новгородское боярство, привыкшее быть полным хозяином в своем государстве, не проявляло никакого желания подчиняться их власти. В 50-х гг. XV в. новгородское боярство, дав приют Дмитрию Шемяке, вообще разорвало свои связи с Великим княжеством Московским. После поражения новгородского войска под Старой Руссой в 1456 г. Новгородское государство оказалось вынуждено выплатить Василию Темному большую контрибуцию «за истому», обязалось отдать спорные территории на севере и вернуть княжеской власти ее традиционное положение в системе государственных институтов. Поездка Василия II в Новгород в 1460 г. свидетельствовала о том, что великий князь намерен добиваться реального выполнения своих требований. Однако новгородское боярство не желало ни уступать спорных территорий на Севере, ни возвращать княжеской власти традиционно

принадлежавшие ей земли и доходы в Новгороде.

Сохранить свои позиции новгородское боярство пыталось путем сближения с Литвой. Первая попытка серьезных переговоров о новгородско-литовском союзе была предпринята в начале 60-х гг. XV в. В конце 60-х гг. в Новгород как служилый князь был приглашен один из представителей литовской аристократии Михаил Олелькович, а позднее был составлен проект договора о признании новгородским князем великого князя литовского Казимира. Планы новгородско-литовского союза были сорваны благодаря энергичным действиям Ивана III, в 1471 г. объявившего войну Новгороду.

Ход военной кампании обнажил внутренние противоречия Новгородского государства. На поле боя не удалось добиться взаимодействия между военными отрядами бояр и ополчением «молодых людей», которые не желали умирать за интересы боярской олигархии. К тому же они и не смогли как следует снарядиться на войну, не имея, как ранее, государственной поддержки. Не поддержал сторонников пролитовской ориентации и новгородский архиепископ, запретивший своему полку «на великого князя руку подымут». Все это привело к поражению новгородского войска в сражении на реке Шелони 14 июля 1471 г. Обнаружившиеся противоречия старалась использовать великокняжеская власть. Приказав казнить новгородских бояр — инициаторов договора с Казимиром, Иван III одновременно освободил без выкупа попавших в плен «молодых людей». Потерпело поражение и другое новгородское войско на Северной Двине, так как «двиняне не тягнуша» к нему на помощь.

По миру 1471 г. Новгородское государство выплатило огромную контрибуцию 16 тыс. руб., утратило ряд территорий на севере, обязалось не заключать никаких соглашений с Литвой. Особой статьей устанавливалось, что великому князю должен быть представлен на утверждение новгородский свод законов — Новгородская судная грамота, в его пользу должна была поступать половина установленных в нем судебных штрафов.

Своими правами верховного судьи Иван III воспользовался, чтобы еще более ослабить враждебное ему новгородское боярство. Зимой 1475/1476 г. он прибыл в Новгород, чтобы рассмотреть жалобы «молодых людей» на насилие со стороны бояр. В результате ряд наиболее упорных противников великого князя из числа новгородского боярства был осужден; одни осужденные были арестованы и увезены в Москву, а их земли конфискованы, другие приговорены к крупным денежным штрафам.

Когда осенью 1477 г. началась новая военная кампания, московское войско, двигаясь к Новгороду, не столкнулось по пути с каким-либо сопротивлением, а многие новгородские бояре поспешили «приказаться в службу» великому князю. Оказавшийся в осаде Новгород капитулировал в январе 1478 г. Вече перестало созываться, вечевого колокол был отправлен в Москву, население города было подчинено власти великокняжеских

наместников, поселившихся на «Ярославле дворище». Новгородские бояре стали вассалами великого князя. Им было сделано несколько уступок: великий князь обещал, что они останутся в Новгороде и сохраняют за собой свои вотчины, их не будут вызывать на суд в Москву и заставлять нести военную службу за пределами Новгородской земли. Все это было актом «пожалования» со стороны великого князя, но он категорически отказался скрепить свои обещания присягой.

Установленный порядок просуществовал, однако, недолго. Уже при капитуляции Новгорода Иван III конфисковал земли ряда новгородских бояр, обвиненных в «измене», и отобрал значительную часть земель у архиепископской кафедры, Юрьева монастыря и пяти кончанских монастырей. В великокняжеском летописании эти меры в отношении церкви сопровождались пояснением: «быша бо те волости первое великих же князей, ино они их освоиша».

В 80-х гг. XV в. наступили еще более значительные изменения. В 1484 г. «поймал князь великий больших бояр новгородских и боярынь, а казны их и села все велел отписать на себя, а им подавал поместья в Москве и по городом», а затем в 1487/1488 г. Иван III «приведе из Новгорода из Великого многих бояр и житиих людей и гостей, всех голов болши тысячи... и жаловал их, на Москве давал поместья... а в Новгород Великий... послал московских многих лутших гостей и детей боярских». Исследование писцовых описаний Новгородской земли конца XV в. показало, что эти летописные свидетельства полностью соответствуют действительности. Оно выявило, что и новгородская церковь утратила большую часть своих земель.

Таким образом, присоединение Новгорода не ограничилось ликвидацией политических институтов Новгородского государства. Из Новгородской земли была выселена подавляющая часть светских землевладельцев (не только бояре, но и житьи люди), их земельная собственность была конфискована и частично роздана поселенным на этой территории детям боярским из Северо-Восточной Руси. Вместо своих вотчин бывшие новгородские землевладельцы получили новые земли, несравнимые по размерам с теми, которые были утрачены, и к тому же как «поместья» — условные владения без права распоряжения и передачи по наследству. В элиту формирующегося дворянского сословия никто из них не вошел. Однако и вассалам великого князя земли в Новгороде также раздавались как условные владения.

Все это привело к коренным переменам в отношениях собственности в Новгородской земле. Если до конфискаций Ивана III 66% земельного фонда составляли земли светских вотчинников, 25% принадлежало церкви, а 9% составляли государственные — «черные» земли, то к концу XV в. светским вотчинникам принадлежало 4% земельного фонда, церкви — 5%, а все остальные земли были собственностью государства.

К этому следует добавить, что из Новгорода был выселен наиболее

зажиточный и влиятельный слой торгово-ремесленного населения — новгородское купечество. Организация новгородских купцов — «Иванское купечество» была уничтожена, как и другие институты Новгородского государства. Весы и мерилы, находившиеся в их руках, перешли в руки великокняжеских таможенников. На их место в Новгород были переселены купцы из Москвы и других городов Северо-Восточной Руси.

Все это позволяет сделать вывод, что с присоединением Новгорода к Москве особый путь развития Новгородского государства и общества был насильственно прерван, а социальный облик населения очень существенно изменился.

Аналогичный комплекс мер был осуществлен московским правительством и в Псковской земле, хотя ее присоединение в 1510 г. произошло мирным путем. Так же действовала власть и на Смоленщине, присоединенной в ходе русско-литовских войн XV—XVI вв. Местные землевладельцы, переселенные в центральные уезды Русского государства и включенные здесь в состав великокняжеского двора, получили в нем наименование «дворовая Литва».

Подобные меры, не имеющие аналогий в историческом опыте процессов политического объединения в других европейских странах, заставляют задуматься о факторах, действие которых сделало возможным проведение подобной политики. Происшедшее в Новгородской земле является веским аргументом в пользу сравнительно позднего времени образования феодального землевладения в русских землях. Очевидно, поэтому здесь еще не сложилось закрепленное правом представление о собственности лиц, принадлежащих к социальной элите, как одной из основ общественного порядка. Характерно, что действия, предпринятые московской властью в Новгороде, не вызвали какого-либо осуждения даже в тех летописных памятниках неофициального происхождения, в которых подвергались подчас довольно резкой критике некоторые стороны государственной политики. Имело значение и длительное изолированное развитие социальных элит Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, при котором между ними не возникло ни прочных связей, ни чувства корпоративной солидарности. Как показал последующий исторический опыт, методы, выработанные при присоединении Новгорода, государственная власть использовала для решения разных проблем, возникавших в ее отношениях с формирующимся сословием феодалов-землевладельцев.

Столь жестокие меры, по всей вероятности, диктовались и геополитическими интересами. Со времен Древнерусского государства социум Северо-Восточной Руси был заперт в бесперспективную глубину континента, лишившись возможности доступа к морю. При малейших благоприятных моментах московские князья всегда стремились к упрочению своего влияния в Новгороде, а набрав силу, немедленно решили этот вопрос.

Не последнюю роль играла и возможность с приобретением

новгородской территории резко увеличить налоговую составляющую, что для социума с ограниченными возможностями роста совокупного прибавочного продукта имело огромное значение.

Реформы системы управления. Создание единого законодательства.

Объединение под властью великого князя московского обширных территорий на северо-востоке, северо-западе и юго-востоке Руси ставило перед этой властью вопрос об организации управления всем этим комплексом земель, об установлении связи между органами управления на местах и центром государства — Москвой. Обособленность отдельных земель, подчиненных власти великого князя, в определенной мере сохранялась до середины XVI в. Для управления ими создавались особые органы: для Тверской земли — «Тверской дворец», для Рязанской земли — «Рязанский дворец». Дворецкие осуществляли управление находившимся на этих землях обширным фондом «дворцовых» земель, доходы с которых шли на содержание великокняжеского двора. Для местного населения и администрации дворецкой являлся высшей судебной инстанцией. Дворецкие назначались из числа бояр, издавна служивших великим князьям московским, и вершили свой суд в Москве. Управление отдельными городами и волостями оставалось традиционным, их по-прежнему отдавали в «кормление» присылавшимся наместникам и волостелям, но состав кормленщиков существенно изменился.

В упорядочении и унификации работы органов управления на местах и их связи с центром большую роль сыграло принятие Судебника 1497 г., который не только распространил действие ряда правовых норм (например, о порядке крестьянских переходов) на всю территорию государства, положив тем самым начало унификации права, но и определил общий порядок судопроизводства (прежде всего по уголовным делам) и единые размеры судебных пошлин. В 30-й статье памятника определялись размеры расходов судебного пристава по доставке в Москву обвиняемых из Одоева, Холмогор, Нижнего Новгорода и многих других русских городов — осязаемое доказательство того, что Москва уже к концу XV в. стала реальным центром управления всей территорией России.

Ликвидация особых княжеских «дворов» в отдельных землях и образование единого великокняжеского двора вели к тому, что дети боярские из разных ранее разобщенных земель стали получать административные назначения и «кормления» на разных территориях Русского государства. Местом, где делались такие назначения, также стала Москва. В новых условиях оказалась совершенно недостаточной традиционная система управления, восходившая к порядкам домонгольской Руси.

Формирование чиновничества.

Установление системы связей между центром и местными органами управления, осуществление контроля за их деятельностью, практика «доклада» наиболее важных дел в Москву — всё это вызвало объективную необходимость уже в последние десятилетия XV в. вести обширную письменную документацию, что послужило толчком для расширения размеров и увеличения значимости в общественной жизни такой группы древнерусского общества, как чиновничество. Появление первых чиновников — служащих княжеской канцелярии, изготовлявших выходявшие из нее документы, относится еще к эпохе раннего Средневековья. Везде в Европе такими первыми сотрудниками княжеской канцелярии были, как правило, духовные лица, как люди наиболее грамотные и владевшие искусством письма. Наименование древнерусского чиновника XIV—XVI вв. термином «дьяк» (соответственно его подчиненный — подьячий), обозначающим обычно низшего церковного служителя, говорит о том, что первоначально так же обстояло дело и на Руси. Еще в XIII в. «печатником» (главой княжеской канцелярии, который скреплял печатью выходявшие оттуда документы) Дмитрия Донского был священник Михаил-Митяй. В то время круг лиц, работавших в канцелярии, был невелик, многие дела решались устно, без составления документов. К XV в. и облик чиновников, и их место в обществе заметно изменились. К этому времени в великокняжеской канцелярии уже не было никаких духовных лиц. Дьяки XV в. (и более позднего времени) — это светские лица, чаще всего — выходцы из «добрых» семей детей боярских (лишь финансовое ведомство — Казна — по понятным причинам пополнялась членами купеческих фамилий). Дьяки XV в. уже не только выдавали жалованные грамоты, но и вели записи судебных разбирательств и судебных решений, часто посылавшихся на рассмотрение в более высокие инстанции, в их руках находилась и обширная переписка между провинцией и центром. Главной фигурой в аппарате управления, от которой зависело принятие решений, был светский сановник — боярин, наместник или воевода, но оформление этих решений и их передача на места были делом дьяков и подьячих.

Реформы налогообложения

Усилению роли чиновничества в общественной жизни способствовал и ряд преобразований, осуществленных государственной властью во второй половине XV в. От своих предшественников великие князья московские унаследовали системы обложения, сильно отличавшиеся в разных землях; сам сбор налогов основывался на весьма приблизительной общей оценке

объектов обложения — проводившиеся описания были связаны с необходимостью уплаты «выхода» в Орду и представляли собой поголовную перепись населения («царев выход по описи по людям»). Уже в середине XV в. великокняжеская власть стала проводить такие описания, руководствуясь собственными целями.

О широком распространении этой практики уже в княжение Василия II говорят постоянные упоминания «писменных людей» в жалованных грамотах этого правителя. Известны и упоминания в источниках рубежа XV—XVI вв. податного описания Костромского уезда 1464/1465 гг. Из упоминаний следует, что объектом обложения были теперь не люди, а земля. Окончательное установление новой системы обложения было связано с проведением так называемых писцовых описаний, охвативших в 80—90-х гг. XV в. основную часть территории Русского государства. Проведение описаний сопровождалось прежде всего унификацией системы обложения. В летописной записи о посылке в 1491 г. писцов для описания Тверской земли отмечено, что они были отправлены «Тферские земли писати по-московски в сохи». Кроме того, описание сопровождалось определением размеров пахотной земли и сенокосов, от чего зависела величина налоговых ставок. Установленная в это время система обложения без больших изменений действовала до середины XVI в. В системе обложения денежные поступления еще не занимали главного места; не меньшее значение имели натуральные поставки и отработочные повинности разного рода. Описания сопровождалась проверкой прав на землю и установлением точных границ владений, что сопровождалось разбирательством многочисленных поземельных споров. Все это требовало составления обширной и многообразной документации, что было делом сопровождавших писцов дьяков и подьячих.

Проведение описаний, точный учет размеров обработанной земли, облагавшейся налогами, способствовали притоку средств в великокняжескую казну. Увеличению источников поступлений способствовали и некоторые другие меры, проведенные великокняжеской властью в конце XV в. Так, к концу XV в. были фактически отменены податные привилегии (и до этого достаточно скромные) основной массы светских землевладельцев. Они сохранили судебную-административную власть над зависимыми крестьянами, но освобождения от налогов их владениям перестали предоставляться. Нельзя исключить, что некоторые представители правящей верхушки продолжали пользоваться освобождениями от налогов, но таких не могло быть много, так как даже владения бывших самостоятельных «государей» стали привлекаться к уплате налогов и отбыванию повинностей: так, крестьяне во владениях князей Пенковых — потомков последнего ярославского князя Александра Федоровича — уже в 20-х гг. XVI в. привлекались к отбыванию ямской повинности. Были сильно урезаны и податные привилегии церкви (за исключением некоторых почитаемых

обитателей). Например, владения митрополичьего дома, в конце XIV в. свободные от уплаты каких-либо налогов, после выдачи Иваном III жалованных грамот в 1504 г. утратили почти все свои податные привилегии. Все эти факты свидетельствовали не только о росте государственных доходов, но и об усилении позиции государственной власти по отношению и к духовенству, и к сословию светских феодалов.

Создание системы условного (поместного) землевладения

Усиление зависимости светских землевладельцев от великокняжеской власти было связано также с появлением и распространением именно в конце XV в. новой формы землевладения бояр и детей боярских. Именно в это время Иван III раздал своим детям боярским значительную часть конфискованных в Новгороде земель (около 36% всего земельного фонда), но как условные владения, получившие именно в это время название «поместий». Переданным помещику владением с крестьянами он мог пользоваться лишь до тех пор, пока исправно нес военную службу великому князю, в случае неявки на службу или неспособности ее выполнять (по старости или по болезни) поместье могло быть у него отобрано. Поместье было собственностью государства, а не помещика, помещик не мог передать его своим наследникам, продать или дать вкладом в монастырь. Переданную ему государственную собственность он должен был содержать в хорошем состоянии и за нанесенный ей ущерб мог понести наказание («а доспеет пусто... от великого князя в том быть ему в опале»). В писцовых книгах подробно перечислялись повинности крестьян по отношению к помещику, очевидно, помещик не имел права изменять их по своему усмотрению.

К этому следует добавить, что, хотя поместья могли получать (и получали) и представители знати, государственная власть сознательно стремилась создавать прежде всего поместья средних и малых размеров. Зависимость таких землевладельцев от государственной власти была гораздо более сильной, чем зависимость землевладельцев-вотчинников. Там, где государство обладало полной свободой действий, как в Новгородской земле, такой тип землевладения абсолютно преобладал. По другим районам России сохранились лишь отрывочные сведения, но они не оставляют сомнений, что в первой половине XVI в. поместья появились по всей территории страны. Так, в Тверском уезде в 40-х гг. XVI в. сотни землевладельцев «держали» государственные земли на указанных условиях. Для образования все новых и новых поместий великокняжеская власть использовала находившийся в ее руках обширный фонд «черных» земель.

Действуя так, государственная власть добивалась решения двух задач: увеличения размеров дворянского ополчения — главной военной силы государства и увеличения в формирующемся дворянском сословии

прослойки людей, находящихся в особенно жесткой зависимости от власти.

Государственная власть и церковь

В руках государственной власти к рубежу XV—XVI вв. продолжал находиться обширный фонд «черных» земель, увеличившийся за счет конфискаций в Новгороде, Пскове и на Смоленщине, который использовался для наделения помещиков. Однако великому князю и его окружению важно было не терять доходы с «черных» земель, которые поступали в государственную казну, так как часть из них в случае раздачи пошла бы, конечно, на содержание помещиков. Поэтому внимание власти закономерно привлек к себе обширный фонд земель, находившийся во владении церкви, который можно было бы использовать для создания новых поместий, не трогая «черные» земли.

Уже при присоединении Новгорода государственная власть наложила руку на владения архиепископской кафедры и монастырей. Дело не ограничилось конфискациями 70—80-х гг., часть земель была отобрабана у новгородских церковных учреждений еще и в 1499/1500 г. В результате церковь в Новгородской земле утратила 3/4 своих владений. Великий князь хотел бы осуществить подобные и даже заходящие значительно далее перемены в масштабе всей страны. На церковном соборе, созванном в 1503 г., Иван III, предвосхищая действия государей XVIII в., «восхоте у митрополита и у всех владык и у всех монастырей села поимати», а на свое содержание они должны были получать средства из великокняжеской казны. Это были бы механизмы выживания социума с ограниченным прибавочным продуктом. Хотя целью царя и его советников было при этом не только приобретение новых земель для поместных раздач, но и подчинение церкви светской власти, от которой церковные учреждения оказались бы в полной зависимости. Таким путем, по-видимому, хотели найти также решение конфликтных ситуаций, возникших в отношениях между государством и церковью в последние десятилетия XV в.

В борьбе за объединение русских земель великокняжеская власть и церковь действовали совместно (митрополит Филипп всем своим авторитетом поддерживал действия Ивана III, направленные против Новгорода), но, когда процесс объединения был в основном завершен, в отношениях высшей светской и церковной власти наметились перемены.

В 1478 г. великий князь нашел ошибочным практиковавшееся издревле высшим духовенством Московской митрополии хождение «посолонь» (т.е. в соответствии с движением солнца) при освящении церковей и запретил освящать таким образом построенные им храмы. Вмешательство великого князя в вопросы, традиционно относившиеся исключительно к компетенции духовной иерархии, показывало, что он желал бы быть в церкви таким же

полным хозяином, как и в светской части общества.

О желании Ивана III решать самостоятельно вопросы церковной жизни, не считаясь с мнением митрополита и епископов, говорит его покровительство новгородским еретикам — так называемым жидовствующим. О самой этой ереси, как особом явлении духовной жизни русского общества, речь пойдет в разделе о русской культуре этого времени, здесь же важно отметить, что Иван III не только пригласил главных еретиков — Алексея и Дениса в Москву, но и поставил их во главе клира кремлевских соборов — Успенского и Архангельского, что было сделано, конечно, вопреки желанию митрополита и епископов. Великий князь со «многими своими бояры и диаки» стал активно участвовать в работе созывавшихся на рубеже XV—XVI вв. церковных соборов.

Попытки Ивана III поставить церковь в полную и всестороннюю зависимость от светской власти натолкнулись на сопротивление духовенства, сплотившегося перед лицом опасности. В итоге он был вынужден отказаться и от покровительства еретикам, которых в 1504 г. сожгли по решению церковного собора, и от своих планов относительно церковной собственности. Обе стороны, однако, объективно нуждались друг в друге. Церковь хотела опираться на поддержку могущественной светской власти перед лицом экспансии католицизма и ислама, обретшего новую силу с превращением Османской империи в одну из главных мировых держав. Правители нуждались в поддержке со стороны церкви своей политики укрепления государственной власти.

Определенный *modus vivendi* был достигнут, хотя и не сразу, в годы правления преемника Ивана III — Василия III. Светская власть взяла на себя негласные обязательства блюсти чистоту веры и преследовать еретиков, использовать свои внешнеполитические действия для упрочения и расширения позиции православия в Восточной Европе, отказаться от посягательств на церковную собственность, а церковь проявила готовность оказывать всемерную поддержку укреплению власти тех правителей, которые придерживались таких норм отношений с церковью.

Политика тесного сотрудничества государства и церкви в первой половине XVI в. получила наиболее яркое выражение в деятельности митрополита Даниила, занимавшего митрополичью кафедру в 1522—1539 гг. Добившись осуждения духовных лиц, несогласных с позицией высшей церковной иерархии, в решении политических вопросов он был готов идти в достаточной мере навстречу желаниям великого князя (он насильственно постриг в монахини неугодную Василию III жену, дал грамоту, гарантировавшую безопасность одному из лиц, с точки зрения великого князя опасных, и не протестовал против ее нарушения, отказывался ходатайствовать за «опальных»). Епископами и настоятелями становились люди, угодные великому князю. Избранный митрополичьей кафедрой курс на тесное сотрудничество государства и церкви получил отражение не только

в политической деятельности митрополита, но и в Никоновской летописи — обширном летописном своде, составленном в 20-х гг. XVI в. в митрополичьей канцелярии.

Смена норм отношений в московском княжеском доме. Укрепление государства.

Последняя четверть XV в. ознаменовалась и важными переменами внутривластительского устройства исторического ядра Русского государства — Великого княжества Московского. В середине XV в., когда Василий II составлял свое завещание, Великое княжество Московское рассматривалось еще традиционно как общее владение всех членов княжеского рода, что находило свое выражение, в частности, в том, что все они совместно владели столицей государства — Москвой. Традиционные нормы отношений предусматривали, что в случае смерти одного из членов рода удел покойного должен быть поделен между остальными его членами, и каждый из них имел право претендовать на свою долю в «примыслах» — присоединенных к великому княжеству землях. В своих владениях удельные князья были самостоятельными «государями», но их связывала с великим князем общая внешняя политика, которая была их совместным делом.

В правление Ивана III эти традиционные нормы отношений были решительно пересмотрены. Так, когда в 1472 г. скончался второй сын Василия II Юрий, его удел был целиком присоединен к владениям великого князя. При присоединении Новгорода братья тоже не получили ничего. «Новгород великий взял с ними, ему ся все подостало, а им жеребья не дал», — жаловались друг другу младшие братья Ивана III. В 1479 г., недовольные таким положением дел, его братья Иван и Борис, выступив против великого князя, «отъехали» в Литву. Иван III пошел на уступки. Братья получили некоторые земли, но о возвращении к прежним нормам речи не было. Земли были даны как «пожалования» великого князя, и никакого семейного передела не произошло. Удельные князья перестают быть участниками принятия важных политических решений, они все больше превращаются в вассалов великого князя, обязанных посылать войска в поход по его приказу. Когда в 1491 г. брат Ивана III Андрей не прислал воевод для участия в походе против татар, он был арестован и умер в тюрьме.

Пересмотр традиционных норм был закреплен завещанием Ивана III 1504 г. Василий III не только получил львиную долю земель, собранных отцом. Совладение Москвой было фактически ликвидировано. Удельным князьям запрещалось чеканить монету, своего старшего брата они должны были слушать «во всем» и по его приказу в походы «пойти без ослушанья».

Новые представления о власти

Одним из главных результатов перемен второй половины XV в. стало резкое усиление роли государственной власти в разных сферах жизни древнерусского общества. Осмысление общественным сознанием происходивших перемен вело к выработке новых представлений о характере института государственной власти и личности самого государя.

Отходили в прошлое восходившие еще к дружинным временам отношения правителя и его вассалов, основанные на неписаном контракте, взаимных обязательствах, на смену им шли отношения правителя и привилегированной части его подданных, основанные на господстве и подчинении. Эти перемены находили свое выражение в характерных изменениях терминов, обозначавших новые отношения. С последних десятилетий XIII в. даже члены Боярской думы, обращаясь к Ивану III, стали называть себя его «холопами». Это, конечно, не означает, что они стали холопами великого князя в буквальном смысле. Но это была очевидная попытка зафиксировать перемены в характере отношений с помощью традиционной социальной терминологии, подчеркнуть, что бояре и дети боярские являются уже не вассалами, а подданными правителя.

Появлению дополнительных идеологических санкций для усиления великокняжеской власти способствовали перемены в православном мире, частью которого были русские земли со времени крещения Руси. Центром этого мира была Византийская империя, а главой — византийский император. Считалось, что на императора самим Богом возложена миссия по поддержанию порядка в мире, утверждению и распространению в нем истинной веры, и власть его, как своего рода наместника Бога на земле, была всесторонней и неограниченной. В середине XIV в. Византийская империя пала под натиском османов, и византийский император перестал быть главой мирового христианского порядка. Были завоеваны османами или подчинены их верховной власти и другие православные государства. Единственной самостоятельной православной державой стало Русское государство.

Осмысление происшедших событий в кругах православного духовенства привело к заключению, получившему одобрение и светской политической элиты, что Русское государство стало теперь центром христианского мира, в организации мирового христианского порядка великий князь московский должен занять место византийского императора. В этой связи и власть великого князя стала рассматриваться как такая же неограниченная и всесторонняя, какой была власть византийского императора. «Царь оубо естеством подобен человеку, властью же подобен есть вышнему Богу», — писал византийский книжник VI в. Агапит о характере власти византийского императора. В начале XVI в. русский церковный деятель Иосиф Волоцкий повторил эти слова, определяя характер

власти Василия III.

Политическое объединение ранее раздробленных земель и княжеств не было уникальной особенностью русской истории. XIV—XV вв. — время формирования крупных национальных государств во многих европейских странах. Процесс этот протекал в условиях, когда развитие товарно-денежных отношений (в том числе и в сельском хозяйстве — с распространением денежной ренты), рост городов как центров товарного обращения вели к возникновению определенной общности экономической жизни, что делало подавляющее большинство населения заинтересованным в установлении политического единства. Однако говорить о существовании такой общности экономической жизни по отношению к русским землям XIV—XV вв. нет серьезных оснований. Сельское хозяйство оставалось натуральным. Сеть городов оставалась редкой, и многие из них вовсе не были сколько-нибудь крупными центрами ремесла и торговли. В торговле главное место занимало приобретение предметов роскоши для социальной верхушки, отсутствовала и крупная торговля предметами массового спроса и вложение накопленного в торговле капитала в производство... Исследователи давно обратили своё внимание на эти особенности русского исторического процесса, объясняли быстрое политическое объединение русских земель при отсутствии определенной общности экономической жизни тем, что все русское общество в целом было заинтересовано в освобождении от золотоордынского ига. Однако при этом остается неясным, почему рост опасности со стороны османов не привел к сплочению господствующих классов Византии и балканских государств, с ростом успехов османов раздоры в их среде, наоборот, все более усиливались.

Важная особенность русского исторического процесса, отличающая его от положения в других европейских странах в XIII—XV вв., состоит в том, что если в европейских странах ко времени образования национальных государств основным земельным фондом уже давно обладало господствующее сословие средневекового общества — дворянство, то в Северо-Восточной Руси землевладение бояр и детей боярских находилось только на стадии формирования, охватывая сравнительно небольшую часть земельного фонда. Расширение землевладения, попытки землевладельцев изменить отношения с крестьянами в свою пользу стали наталкиваться на сопротивление сильных и сплоченных крестьянских общин.

На каком-то этапе землевладельцы в стихийном порядке стремились избавиться от влияния общины путем освоения новых земель, призывая на них крестьян, уже не объединенных в общину. Такой вотчинник полагал, что теперь его возможность нажима на землепашца резко увеличивалась. Не последнюю роль в усилении власти землевладельца играло и ущемление в льготах возвращающихся на старое местожительство крестьян, когда-то ушедших из этих мест. При льготном освобождении от налогов государству (а нередко и повинностей в пользу вотчинника) всех новоприбывших

крестьян, льготы «старожильцев»-возвращенцев по своей длительности оказывались в 1,5, 2 и даже в 5 раз меньше, чем для пришедших вместе с ними крестьян, но из других краев. Подлинный смысл этого неравноправия заключался, по мнению ряда исследователей, в том, что старожилец понимал, что он вернулся уже не на свою землю, а на землю вотчинника, диктующего свои жесткие условия. Однако рано или поздно, но крестьянская община с неизбежностью вновь возникала. Ее сплоченность, как уже отмечалось, была связана с необходимостью самых напряженных усилий, чтобы обеспечить воспроизводство и получение прибавочного продукта, очень ограниченного в своем объеме. Неудивительно, что попытки его изъятия должны были встречаться с упорным сопротивлением. Когда нажим вотчинника усугублялся сильным неурожаем или выпаханностью земель (что было часто взаимосвязано), крестьяне целыми деревнями, а нередко и десятками деревень, уходили в иные края. Иногда становились «подвижными» и сами поселения, так как подходящие земли располагались лишь вдалеке от насиженных мест. Подобные обстоятельства имели далеко идущие последствия социального и политического характера.

Развитие массовых стихийных передвижений крестьян и на частновладельческих и на государственных землях несло прямую угрозу для столь необходимого и реально развивающегося оживления хозяйственной жизни страны. Усилия самих вотчинников в конечном счете успехов не имели. Формирующееся дворянское сословие объективно нуждалось в поддержке сильной центральной власти, которая могла бы оказать мощную поддержку боярам и детям боярским в укреплении и развитии собственности на землю и обеспечении ее продуктивности. Немалую роль играли и стремления поднимающегося дворянского сословия расширить свои владения за счет «черных земель». Скорее всего именно в этих процессах следует искать причину того, что бояре и дети боярские не оказали никакого серьезного противодействия не только политическому объединению русских земель, но и той политике всемерного укрепления государственной власти, которую великокняжеское правительство стало проводить сразу после объединения. Многие из них активно участвовали в установлении новых порядков.

Имело большое значение и другое обстоятельство. Ограниченный объем прибавочного продукта приводил к тому, что землевладелец не мог существовать только на доходы от собственного хозяйства, и поэтому нуждался во внешней поддержке, которую могла оказать ему государственная власть, перераспределяя в его пользу накопления, созданные в результате деятельности торгово-ремесленного населения города и в секторе экономики, контролировавшемся государственной властью в целом. Решения такой задачи могла добиться только сильная государственная власть.

§ 2. Формирование в России сословий и опричнина Ивана Грозного

В результате централизаторской политики, последовательно проводившейся Иваном III, а затем Василием III, к началу 20-х гг. XVI в. было завершено объединение русских земель в единое государство. Теперь они представляли собой политическое целое, с единым законодательством, с аппаратом управления, подчиненным единому центру. Политика эта оказывала важное воздействие на разные социальные слои русского общества. Одни перемены происходили сразу, другие выявлялись лишь по истечении достаточно длительного промежутка времени. Это касается прежде всего объективного воздействия такой политики на внутреннюю структуру русского общества.

Социальная структура русского общества XIV—XV вв.

Уже между положением отдельных социальных слоев в древнерусском обществе XIV—XV вв. существовали глубокие различия, закрепленные в соответствующих нормах права.

Эти различия давали бы возможность определять социальные слои как «сословия», главные социальные общности, на которые делилось население европейских стран в период развитого и позднего Средневековья. Однако в XIV—XV вв. эти слои распадались на большое количество мелких групп, отличавшихся друг от друга по положению и не связанных между собой. Различались по своему статусу «бояре» — владельцы вотчин и «служилые» — обладатели условных владений. Воины-землевладельцы служили многим государям и их приближенным. Положение каждого из них имело свои индивидуальные особенности, связанные с характером его отношений со своим «государем» и местом этого «государя» в системе феодальной иерархии. Отсюда наличие у каждой из этих групп своих особых интересов. Духовные лица зависели одни от церковных иерархов, как это предусматривали нормы канонического права, другие — от своих светских патронов. Большие различия существовали в положении разных групп городского населения. Города делились на части («дельницы») между князьями, в них существовали многочисленные слободы, население которых не входило в состав посадской общины. В одних жило «служилое население», работавшее на нужды княжеского хозяйства, в других — торговцы и ремесленники, подданные крупных светских и церковных землевладельцев.

Централизация власти и консолидация сословий

Централизаторская политика великих князей московских, объединивших под своей властью разные города и земли, вела к ликвидации локальных особенностей, к сближению положения локальных и разрозненных групп, к выработке норм права, определявших положение отдельных социальных слоев в общегосударственном масштабе. Дети боярские (так со второй половины XV в. стал называться господствующий социальный слой древнерусского общества) служили теперь одному государю — великому князю московскому, и служба ему определялась общими для всех нормами. Правда, существовали различия между наследственным владением — вотчиной и условным владением — поместьем, но постепенно все более широким становился круг лиц, которые одновременно владели и вотчинами, и поместьями. Возросла социальная однородность городского населения. Население бывшей служебной организации прежних государей, в услугах которого великие князья московские не нуждались, стало включаться в состав черной посадской общины. Кроме того, с конца XV в. великие князья, заинтересованные в росте числа налогоплательщиков, стали осуществлять так называемое посадское строение, ограничив размеры свободных от тягла частных владений в городе и даже включив в состав посада ряд слобод, принадлежавших частным лицам.

Такая политика великих князей, направленная на укрепление их власти и увеличение доходов, привела к важным, не предвиденным ими последствиям. Нивелировка положения людей, принадлежавших к определенным социальным слоям, стала объективной предпосылкой для формирования сословий. Общие черты в положении людей, принадлежавших к одному социальному слою, способствовали осознанию ими общих интересов, появлению у них представлений о необходимости объединения для защиты этих интересов. Первоначально такие представления складывались на локальном уровне, в рамках города или уезда. Толчком к тому, чтобы такие локальные группы детей боярских или горожан стали выступать в защиту своих сословных интересов, стали события, происходившие в Русском государстве в 30—40-е гг. XVI в.

Сословия и кризис традиционной системы управления

К этому времени на территории Русского государства сохранялась традиционная архаическая система управления с помощью раздачи городов и волостей в кормление советникам князя — боярам и вассалам меньшего ранга — детям боярским. Такая система управления была тягостна для

населения, так как временщик-кормленщик рассматривал свою должность наместника или волостеля как источник доходов. Ее отрицательные стороны были усилены в конце XV — первой половине XVI в. политикой правительства. В небольшом княжестве кормленщик был лицом, хорошо известным местному населению, его владения находились неподалеку, здесь жили его соседи и знакомые. С объединением русских земель правительство, заинтересованное в том, чтобы его представители на местах проводили его политику и не были связаны с местным обществом, давало кормление, как правило, не в тех местах, где находились владения кормленщика. В этих условиях у кормленщика не было никакого желания щадить незнакомых ему людей. Правда, одновременно правительство, как отмечалось выше, принимало ряд мер, которые должны были ограничить возможность злоупотреблений со стороны кормленщиков. В частности, кормление давалось, как правило, на краткий срок (1—2 года), и по окончании срока можно было жаловаться на кормленщика в великокняжеский суд. Однако в обстановке, сложившейся в России в конце 30—40-х гг. XVI в., этих мер оказалось недостаточно.

Когда в 1533 г. на престоле оказался малолетний Иван IV — 8-летний ребенок, власть в стране стала объектом борьбы боярских кланов. Захватив власть, тот или иной клан раздавал кормления своим приверженцам, и те могли не беспокоиться, что им придется отвечать за свои действия. В результате поборы с населения в пользу наместников и волостелей резко увеличились. Псковский летописец записал об одном из наместников Пскова этих лет: «...князь Андрей Михайлович Шуйский... а он был злодеи, в Пскове мастеровые люди все делали для него даром, а болшии люди подаваша ему з дары». Особенно усилились злоупотребления наместников своей судебной властью. Покровительством наместников пользовались «поклепцы» — люди, которые по их наущению возбуждали дела против богатых людей. Одним из излюбленных приемов выколачивания денег было подбрасывание в богатые дома краденых вещей или трупов, а обвиненные в воровстве или убийстве должны были платить высокие штрафы. Кормленщики не гнушались и сотрудничеством с уголовными элементами, которые делились с ними своей добычей. Не следует думать, что злоупотребления касались только крестьян и посадских людей. Известно, что в годы боярского правления и «детем боярским чинилися силы и продажи и обиды великие в землях и в холопех».

Реакцией на злоупотребления стали требования уездных объединений детей боярских, посадских людей в городах и крестьянских волостей передать проведение судебных расследований и самого суда из рук волостелей и наместников в руки их выборных представителей. Уже в конце 30-х гг. население отдельных уездов сумело добиться того, что расследование дел о разбойниках и их наказание стало делом выборных представителей местного населения — губных старост (в обычных уездах это

были выборные дети боярские, в городах — выборные посадские люди, на черносошных землях — выборные «лучшие» крестьяне). Как отметил псковский летописец, во Пскове «бысть крестьяном радость и лгота велика от лихих людей и от поклепец и от наместников» после того, как псковичи получили право «лихих людей обыскивати».

Вынужденные делать уступки требованиям населения, стоящие у власти боярские кланы стремились все-таки вернуть их. Так, во Пскове «бысть тишина и не на много и паки наместницы премогаша». Такой образ действий власти только содействовал росту напряженности. Между населением и кормленщиками началась своего рода «малая война». Как отмечалось в официальной летописи царствования Ивана IV, в ответ на злоупотребления кормленщиков «градов и волостей мужичья (!) многие коварства содеяша и убийства их людем». Кульминацией кризиса стало восстание населения Москвы в июне 1547 г. Один из главных руководителей государства, дядя царя князь Ю. Глинский, признанный ответственным за злоупотребления, по приговору «мира» был убит, и тело его брошено на торгу, как поступали с осужденными преступниками.

Реформы 50-х гг. XVI в. Переход власти на местах к представителям сословий

Эти драматические события способствовали тому, что к концу 40-х гг. XVI в. произошла консолидация правящей элиты вокруг тех сил, которые понимали необходимость реформ, связанных с учетом требований населения. Первые важные решения были приняты на созванном в феврале 1549 г. так называемом соборе примирения. Озабоченный положением молодой правитель призывал обе стороны, кормленщиков и население, не прибегать к насилию и обещал лично рассматривать все поступающие жалобы. Было объявлено о подготовке нового свода законов — «Судебника», что должно было обеспечить населению справедливый суд. При этом имелись в виду прежде всего интересы господствующего социального слоя — детей боярских. Указом, изданным сразу после созыва собора, они были освобождены от суда наместников. В остальном государственная власть еще пыталась (сохранить традиционную систему управления, ограничиваясь лишь новыми мерами против злоупотреблений наместников. Устанавливались строгие санкции за несправедливый суд и взятки: возмещение ущерба пострадавшему, тройное (или двойное) возмещение судебных издержек, заключение в тюрьму. Тщательно регламентировались размеры всех судебных пошлин. Снова подчеркивалось, что в суде наместника в обязательном порядке должны участвовать «лучшие мужи» из местного населения. Составители «Судебника», изданного в 1550 г., требовали

письменной записи всех этапов судебного дела, при этом запись должна была делаться в двух экземплярах: один должен был храниться у наместника, а другой — у земского дьяка, представителя местного населения. Даже задержанных по обвинению людей слуги наместника не имели права «к себе ...сводити» и заключать в оковы, не «явив» их предварительно «лучшим мужам», которые «в суде сидят». Однако удержать реформу в намеченных рамках не удалось. Уже в 1551—1552 гг. в отдельных черных волостях и Центра и Севера власть на местах стала передаваться выборным представителям местного населения. Эти перемены встретились с сильным сопротивлением. После взятия Казани Иван IV, по свидетельству официальной летописи, «кормлению пожаловал всю землю», т.е. раздал города и волости в кормление отличившимся при взятии Казани боярам и детям боярским. Население, однако, не желало подчиняться наместникам, постоянно вспыхивали конфликты, и в 1555—1556 гг. государственная власть приступила к проведению так называемой земской реформы. Старая система управления была ликвидирована на основной территории государства, она сохранилась лишь в пограничных районах и на землях только что присоединенного Среднего и Нижнего Поволжья. Суд и управление населением на черносошных землях и в городах перешли в руки земских старост и земских судей, выбиравшихся сельскими и городскими общинами. Именно эти выборные представители населения стали с середины 50-х гг. XVI в. органами власти на местах.

На землях, где преобладало землевладение детей боярских, расширилась компетенция выборных представителей местных землевладельцев — губных старост, круг их обязанностей заметно расширился, выйдя за рамки собственно полицейских функций. Например, в августе 1556 г. на них была возложена обязанность «беречи накрепко, чтоб у них пустых мест и насилства християном от силных людей не было». Так и выборные представители детей боярских постепенно становились представителями власти на местах.

Все эти перемены были следствием того, что разные социальные слои русского общества к середине XVI в. представляли собой общности людей не только с одинаковыми условиями существования, но и осознающие свои особые интересы и способные заставить власть с этими интересами считаться.

Консолидации городского — посадского — населения способствовало фактическое признание государственной властью монопольного права посадской общины на занятия торговлей и ремеслом на территории города. Владения светских собственников и церкви в городе сохранялись, но в них не должны были жить торговцы и ремесленники. 91-я статья «Судебника» 1550 г. устанавливала: «А торговым людем городским в монастырех не жити, а жити им в городских дворех, а которые торговые люди учнут жити на монастырех, и тех с монастырей сводите». Посадские люди при этом

получили право «людей ис тех дворов вывозити да сажати в свои старые дворы». Осуществить полностью эти постановления не удалось, но само их появление было, несомненно, результатом активной борьбы посадского населения, отстаивавшего свои интересы. Тогда же произошло освобождение горожан от военной службы. В 1550-х гг. на смену военным ополчениям, выставлявшимся городами в случае войны, пришло стрелецкое войско — пехота, вооруженная огнестрельным оружием, которая постоянно несла военную службу. Стрельцы жили на территории городов, но в состав городской посадской общины не входили.

Формирование органов сословного самоуправления духовенства

Происходившие перемены нашли свое отражение в жизни духовенства. Решениями церковного собора 1551 г., «Стоглава», была осуждена практика выдачи «несудимых грамот», и все приходское духовенство и монастыри были починены административно-судебной власти епископов, что содействовало консолидации духовенства в единую социальную общность и обеспечивало церкви определенную автономию перед лицом государственной власти. Раньше епископы управляли подчиненными им духовными лицами через своих чиновников — бояр и десятинников, «кормившихся» за счет приходских священников. После решений собора 1551 г. ряд важных функций внутрицерковного управления перешел в руки выборных представителей приходского духовенства — «поповских старост». Они должны были наблюдать за образом жизни священников и правильностью совершения обрядов, собирать с них налоги в епископскую казну, участвовать в суде архиерейских чиновников и получили право обжаловать их неправильные решения. Таким образом, и в среде духовенства ряд важных функций местного управления перешел в руки выборных представителей.

Особенности формирования сословного общества

Все это говорит о том, что в 50-е гг. XVI в. в России был сделан важный шаг по пути к образованию «сословного общества». Отдельные социальные слои русского общества стали превращаться в сословия — общности людей, соединенных не только общими условиями существования, но и сознанием общих интересов, которые они активно отстаивали. В социальной структуре общества четко обозначились сословие воинов-землевладельцев — дворянское, городское сословие — посадские люди, сословие духовных лиц — духовенство и, наконец, крестьянское сословие. Они обладали своей организацией и своими органами самоуправления, к

которым перешел в 50-е гг. XVI в. ряд важных функций местного управления. Такие явления в жизни русского общества имеют очевидное сходство с процессом формирования сословий в других странах средневековой Европы, где аналогичные процессы протекали в более раннее время.

Вместе с тем процесс зарождения сословного общества протекал здесь в иных исторических и природно-климатических условиях, чем в других европейских странах. В ряде европейских стран (например, у западных соседей Древней Руси — в Польше, Чехии, Венгрии) формирование сословного общества вело к тому, что с расширением функций органов сословного самоуправления происходило сокращение или замораживание размеров государственного аппарата, сокращалось количество постоянных налогов, а для сбора всех других требовалось согласие выборных представителей сословий, дворяне освобождались от ряда обязанностей, связанных с несением военной службы.

Рост государственных налогов и реформа налогообложения

В России середины XVI в. картина была существенно иной. Реформы 50-х гг. сопровождалась не сокращением, а ростом государственных налогов. Уже под 1547 г. новгородский летописец отметил: «Царь и великий князь велел дань имати с сохи 12 рублей, и от того крестьяном тягота была великая». «Судебник» 1550 г. прокламировал отмену жалованных грамот, дававших владениям церкви и светских землевладельцев освобождение от главных государственных налогов («тарханов»). Это установление было проведено в жизнь при пересмотре жалованных грамот в 1551 г. Были увеличены размеры одной из главных повинностей («ямских денег»), а ряд повинностей заменен денежными платежами, что привело к резкому увеличению денежных поступлений в пользу государства. По расчетам исследователей, размер денежных выплат в 50-е гг. увеличился в 4,5 раза.

Особенно увеличился налоговый гнет после отмены кормлений. За освобождение от власти наместников и волостелей население волостей и посадов было обложено новым налогом — «кормленным окупом», т.е. своеобразным выкупом за отмену кормлений. Собранные средства действительно в значительной своей части выплачивались кормленщикам как своеобразная компенсация за потерянные ими доходы. Выплаты эти производились из особых приказов — «четвертей» по распоряжениям власти, и это ставило в зависимость от нее ту верхушку формирующегося дворянского сословия, которая ранее получала кормления.

Была проведена перестройка и унификация системы налогообложения с повсеместным введением новой единицы поземельного обложения — «большой московской сохи». В состав «большой московской сохи» входило

определенное количество четвертей земли, разное для земель разного качества. Вся земля делилась по качеству (в зависимости от плодородия) на «добрую», «среднюю» и «худую». Так, на «черносошных» землях в состав «большой сохи» входило 500 четвертей «доброй», 600 четвертей «средней» и 700 четвертей «худой» земли. Тем самым тяжесть налогообложения приводилась в определенное соответствие с хозяйственными возможностями налогоплательщиков. Вместе с тем для разных видов собственности был установлен разный размер «большой сохи». Так, в «большую соху» должно было входить на поместных и вотчинных землях 800 четвертей «доброй» земли, на монастырских землях — 600 четвертей, на «черных» землях, как уже отмечалось, 500 четвертей. Таким образом, все виды земли должны были вносить налоги в государственную казну, но один и тот же по величине налог платили с разной площади пашни: например, монастыри и дети боярские уплачивали налоги с большего количества пашни (и населения), а черные крестьяне — с меньшей пашни и населения.

Укрепление центрального государственного аппарата

В ходе реформ 50-х гг. XVI в. произошло также значительное расширение и укрепление центральных органов государственного управления. Уже в конце XV — первой половине XVI в. в ходе практической деятельности стали складываться группы чиновников, постоянно занятых рассмотрением определенного круга дел.

К середине 50-х гг. XVI в. был сделан новый большой шаг по пути развития центрального государственного аппарата — были созданы специальные органы управления отдельными видами деятельности, называвшиеся первоначально «избами» (от названия построек, специально поставленных для них в Кремле), а затем — приказами. Так, в 1549 г. был организован Посольский приказ — ведомство иностранных дел Русского государства.

К середине 50-х гг. XVI в. образовались два ведомства, занимавшиеся организацией и обеспечением военной службы: Разрядная изба (Разрядный приказ), ведавшая учетом военных назначений и организацией вооруженных сил Русского государства, и Поместная изба, заседавшие в которой дьяки наделяли поместьями тех, кто исправно нес военную службу, и лишали поместий нерадивых. Поместный приказ вел работу по организации писцового описания земель для последующего их обложения налогами.

Наряду с ними возникли и новые финансовые органы, ведавшие сбором налогов, как, например, Приказ Большого Прихода. В него постепенно стала поступать и им распределялась большая часть поступлений в государственную казну. Особые учреждения — «четверти» занимались сбором «кормленного окупа» и надзором за органами местного сословного

самоуправления. Тогда же, в середине 50-х гг., начинает впервые упоминаться Разбойная изба, которой подчинялись занимавшиеся борьбой с разбойниками губные старосты.

Эти органы должны были осуществлять надзор над органами самоуправления на местах. Так, сведения о выборах губных старост должны были направляться в Разбойную избе, откуда им посылали указы, подробно регламентировавшие их деятельность. Старосты должны были постоянно сообщать в избе о своей деятельности, в частности отправлять сведения о судьбе имущества казненных разбойников. Население прямо побуждалось жаловаться в Москву на бездеятельность старост и их дурные поступки. Если бы жалобы подтвердились, старосту обещали «казнить без милости». Подробными указами из «четвертей» должны были руководствоваться и выборные люди из числа посадских людей и крестьян — земские старосты и земские судьи. За недобросовестное исполнение обязанностей им угрожали еще более суровые наказания — смертная казнь и конфискация имущества. На земских старост, кроме того, возлагалась ответственность за исправный сбор государственных налогов.

«Уложение о службе»

Не произошло и никакого облегчения служебных обязанностей дворянства. Сын боярский, как и ранее, должен был являться на службу по получении приказа, а за неявку или недобросовестное исполнение службы мог утратить поместье. Более того, было установлено, что не только помещик, но и вотчинник должен в обязательном порядке нести службу. Правда, были приняты меры к тому, чтобы служба находилась в определенном соответствии с материальными возможностями светских землевладельцев. Цель эта была достигнута после проведения в 50-х гг. новых писцовых описаний, сопровождавшихся точным измерением размеров владений и определением степени их хозяйственной освоенности. В середине 50-х гг. XVI в. было принято «Уложение о службе», в котором устанавливалось, что каждый сын боярский, независимо от того, владеет он вотчиной или поместьем, должен был выставить «со ста четвертей (50 десятин) добрые ужожей земли человек на коне и в доспесе полном, а в далной поход о дву конь». В 1556 г. в полках, собранных на Оке, был проведен целый ряд смотров, чтобы выяснить готовность и способность детей боярских нести службу по этим нормам. Сам царь Иван IV в Серпухове «смотрит свой полк, бояр и княжат, и детей боярьских, людей их всех, да уведает государь свое войско, хто ему служит». В официальной летописи с удовлетворением было отмечено, что после этого численность дворянского ополчения сильно возросла, так как ранее «многие бо крышася, от службы избываше», но царь заставил их служить.

Противоречивый характер реформ 50-х гг.

Результаты реформ 50-х гг. XVI в. оказались противоречивыми. С одной стороны, был сделан важный шаг по пути формирования «сословий» как общественных структур со своими органами самоуправления, которые стали фактически органами власти на местах. Это означало определенное ограничение государственной власти в пользу сословных органов. С другой стороны, одновременно были сделаны важные шаги для увеличения материальных ресурсов, находящихся в распоряжении государственной власти, расширен и укреплен центральный аппарат, стремившийся подчинить своему контролю органы местного самоуправления. Сохранялась сильная служебная зависимость дворянства от государственной власти. Русское государство оказалось на своего рода историческом перекресте. Развитие могло пойти по пути европейского типа, пути дальнейшего расширения прав сословий, возникновения в дополнение к органам сословного самоуправления на местах органов сословного представительства в общегосударственном масштабе и превращения России в сословно-представительную монархию, где власть монарха была бы серьезно ограничена сословиями. Но развитие могло пойти и по иному пути — по пути дальнейшего усиления центральной власти и полного и всестороннего подчинения формирующихся сословий власти государства и его аппарата. Историческое значение деятельности Ивана IV состояло в том, что с помощью жестоких, насильственных мер он направил развитие страны по второму пути.

Иван IV: политические взгляды и русская действительность

Иван IV стал правителем России в трехлетнем возрасте, после смерти отца, Василия III, и, по его собственным словам, «возрос на государстве». Воспитанный в духе представлений об особой миссии, возложенной самим Богом на русского правителя, о его власти — всесторонней и ничем не ограниченной, молодой правитель стал горячим приверженцем такого представления о власти и доказывал в написанных им сочинениях, что только при сильной единоличной власти правителя государство может развиваться и бороться с внешней опасностью. Такому развитию его взглядов содействовало то, что в 1547 г. он, в отличие от своих предшественников, великих князей, был коронован царским венцом как глава всего христианского мира, задачей которого является освобождение православных и утверждение православия.

Важность задачи, возложенной на царя, по убеждению его и современников, самим Богом, была дополнительным основанием для того,

чтобы требовать от подданных абсолютного повиновения. Царя поэтому не могли устроить ни старые полупатриархальные нормы отношений правителя с кругом его советников, основанные на своего рода неписаном контракте, ни новые отношения, складывавшиеся с формированием политически активных сословий, когда пришлось бы запрашивать их мнение при решении важных политических вопросов и считаться с ним.

Отречение Ивана IV от царства. Опричный режим. Раскол дворянского сословия

Стремясь к укреплению своей единоличной власти, Иван IV зимой 1564/1565 г. осуществил в стране своего рода политический переворот. Забрав с собой царскую казну, Иван IV выехал в свою летнюю резиденцию — Александрову слободу (ныне г. Александров Владимирской области). Оттуда он прислал в Москву грамоты с заявлением, что отрекается от царства, так как его духовные и светские советники не желают добросовестно помогать ему в управлении государством и не позволяют наказывать виновных, поэтому он не может успешно защищать «православное христианство» от внешних врагов. За спиной царя стояли выехавшие с ним в Александрову слободу многочисленные дети боярские — его сторонники; в его поддержку выступили посадские люди Москвы, выражая готовность «потребить» царских «лиходеев» и «изменников». Растерявшиеся советники были вынуждены поехать в слободу и просить царя вернуться на царство и править им так, как он считает нужным.

С этого времени в стране установился новый политический порядок. За царем было официально признано право наказывать «непослушников» (вплоть до смертной казни и конфискации имущества), не считаясь с мнением советников, по своему произвольному решению. Казни начались вскоре после возвращения царя в Москву.

Страна разделилась на две части — своего рода личные владения царя, получившие название «опричина», и остальная территория, названная «земщиной». Раздел страны сопровождался разделением на две части и дворянского сословия. Одна часть его, которую царь удостоил своим доверием, должна была поселиться на его личных землях, образуя личное войско. Если удел царя назывался опричниной, то эти бояре и дети боярские стали называться опричниками. Они ходили в черной одежде, к седлам их коней были приторочены песьи головы и метла в знак того, что они должны выслеживать и «выметать» из страны изменников. Царь наделил их особыми правами и привилегиями, выделявшими опричников из массы остальных бояр и детей боярских, которые должны были поселиться в земщине. Какое-либо общение между опричниками и земскими запрещалось.

Раскол дворянского сословия был необходим Ивану IV, чтобы обеспечить опору для проведения своей политики. С точки зрения царя, такое решение наиболее отвечало его интересам. Привилегированный статус опричников приводил к возникновению противоречий между ними и основной массой дворянства, привилегий не имевшей. Обязанные своим возвышением власти монарха, опричники оказывались заинтересованными в ее сохранении и укреплении. Вряд ли такие действия царя могли привести к успеху, если бы в России к середине XVI в. сложилось единое дворянское сословие с четким сознанием общности своих интересов. Тогда его предложения, вероятно, не нашли бы сторонников в рядах дворянства, но в России середины XV в. дворянское сословие находилось на начальной стадии своего формирования.

Переселяясь на территорию царского «удела», опричники должны были оставить свои поместья в земских уездах, но могли сохранить за собой вотчины. Что касается бояр и детей боярских, которые оставались в земщине, то при переселении из взятых в опричину уездов они теряли все свои прежние владения — и поместья, и вотчины, а вместо них должны были получить другие на новом месте. Массовое переселение землевладельцев с одной территории на другую («вывод») широко использовалось великими князьями московскими для подавления оппозиции при объединении русских земель. Теперь эта мера была использована Иваном IV по отношению к дворянству исторического ядра Русского государства — его Центра.

Царь отдавал себе отчет, что его действия, наносящие ущерб многим сотням людей, вынужденных покинуть насиженные места и отправляться в далекие и незнакомые края, могут вызвать массовое недовольство детей боярских — вооруженных и организованных людей. Поэтому с самого начала неотъемлемой частью опричного порядка стал террор, который должен был в зародыше подавить возможное недовольство. Установление опричного порядка сопровождалось открытой ликвидацией тех неписаных норм, которые долгое время определяли отношения царя и его высокопоставленных вассалов. Разумеется, и ранее за измену карали смертной казнью и конфискацией имущества, но такое решение могло приниматься только после открытого расследования, во время которого обвиняемый мог сказать все, что считает нужным в свое оправдание. Кроме того, церковные иерархи обладали правом «печаловаться» за виновных и добиваться их помилования. Теперь же царь единоличным решением устанавливал, кто является изменником, и казни происходили без суда и следствия. Со временем репрессии все усиливались. Вместе с «изменниками» стали казнить членов их семей и слуг.

Установленный порядок давал царю возможность лишать родовой собственности и отправлять в новые владения в незнакомые места тех отдельных людей или целые их группы, кого Иван IV считал опасным для своей власти.

Какая же часть дворянского сословия вызывала наибольшие опасения царя, против кого в первую очередь был направлен опричный режим?

Борьба Ивана IV против княжеских родов

Главным объектом опричной политики стали члены княжеских родов — потомков Рюрика, исторически образовывавшие самый верхний, наиболее привилегированный слой в составе дворянского сословия России.

Еще до начала опричнины Иван IV отобрал владения у «верховских князей» — Воротынских и Одоевских, сидевших в своих городках на верхней Оке как полусамостоятельные «государя», затем ряд этих городков он включил в состав своего опричного «удела».

При образовании опричного удела он включил в его состав и Суздаль, и суздальские князья должны были оставить свои родовые вотчины. Уже в первый год опричнины (1565) царь приказал сослать на земли недавно завоеванного Поволжья — в Казанский, Свияжский и Чебоксарский уезды — ростовских, ярославских и большое количество стародубских князей. Их родовые земли начали «отписывать на государя». Правда, в следующем, 1566 г. царь возвратил князей из ссылки и вернул им часть их вотчин, но владели они ими недолго. В январе 1569 г. «взял царь и государь князь великий Иван Васильевич Ростов град и Ярославль в опричину», и родовые владения ростовских и ярославских князей были у них окончательно отобраны.

Что было причиной конфликта между Иваном IV и этой частью знати? Царь обвинял потомков бывших государей в том, что они угрожают единству государства, желая восстановить прежние княжества. Про одного из них, князя Андрея Курбского, отъехавшего в Литву, он так прямо и писал, что тот хотел «в Ярославле государити». Вероятно, и сам царь не верил в справедливость этих обвинений. Само поведение княжат в годы «боярского правления», когда у них была реальная возможность попытаться осуществить такие планы, показывает, что они были далеки от чего-либо подобного.

Настоящие причины конфликта позволяют понять особенности положения этой группы знати в рамках формирующегося дворянского сословия. Члены княжеских родов — потомков Рюрика занимали самое высокое положение на лестнице сословной иерархии. В Московской Руси XVI—XVII вв. военные и административные назначения производились в соответствии с «породой» — благородством происхождения. В таких условиях происхождение князей от Рюрика, их родство с самим монархом давало им преимущественное право на занятие самых высоких военных и административных должностей.

Не меньшее значение имело и другое обстоятельство. Как уже отмечалось, землевладение московских боярских родов образовалось

сравнительно недавно — в XIV—XV вв. Владения даже наиболее знатных лиц были разбросаны по многим уездам, не образуя крупных компактных комплексов. Напротив, родовые владения князей располагались компактно на территориях их бывших княжеств. Это делало их господствующей социальной группой на данных землях, превращало князей в центр притяжения для местных землевладельцев, которые и так по традиции смотрели на князей как на своих предводителей.

Кроме того, следует иметь в виду, что в глазах людей, принадлежавших к тому же роду, что и сам царь, личность монарха не была окружена таким ореолом, как в глазах других слоев дворянства. «История о великом князе московском» (своеобразная, резко критическая биография Ивана IV), написанная князем Андреем Курбским, принадлежавшим к роду ярославских князей, содержит целый ряд свидетельств того, что в этой среде сохранялось критическое отношение ко многим поступкам московских государей, которые, объединяя русские земли, неоднократно нарушали и нормы, принятые в отношениях между князьями, и даже нормы морали.

Эти особенности социального положения и сознания объективно способствовали тому, что княжеская аристократия могла стать ядром консолидации дворянского сословия в борьбе за упрочение и расширение его сословных прав. Меры, предпринятые Иваном IV, привели к резкому ослаблению ее силы и влияния и исключили возможность такого развития.

Политика «выводов» светских землевладельцев

Политика Ивана IV, направленная на разделение дворянского сословия на две части, вела к тому, что «выводы» светских землевладельцев с одних территорий на другие охватили широкий круг лиц далеко не только представителей знати, но и многие сотни рядовых детей боярских. Переселения происходили не только в первые годы опричнины, но и в последующие годы, когда Иван IV стал расширять территорию своего опричного «удела». Все это вело к неоднократным переменам традиционного состава землевладельцев на многих территориях. Помимо того, что с помощью переселений Иван IV «подбирал» детей боярских, которые должны были стать опорой его власти, они имели для него и его советников другое значение. Поселяя на одной и той же территории землевладельцев, ранее никак не связанных друг с другом, они ослабляли сплоченность уездных дворянских объединений, которые становились неспособными отстаивать свои интересы перед лицом власти. Не случайно переселения увеличились после того, как дети боярские из «земщины» подали в 1566 г. коллективную челобитную об отмене опричнины.

Переселения имели и другие важные объективные последствия, наложившие свой отпечаток на дальнейшее развитие отношений между

дворянским сословием и государственной властью. «Выводившийся» из определенного уезда сын боярский, как говорилось выше, терял все свои владения. На новом месте он мог рассчитывать на получение соответствующего его положению поместья вместо того, которое у него отобрали. Так, известно, что несколько сотен высланных из Костромского уезда детей боярских получили поместья в Новгородской земле. Царь вовсе не собирался в условиях, когда Русское государство во второй половине XVI в. вело постоянные войны, подрывать боеспособность главной военной силы страны — дворянского ополчения, а детей боярских нужно было обеспечить землей с крестьянами, чтобы они могли нести службу. Но с утраченной вотчиной дело обстояло иначе. Формально сын боярский и в этом случае мог рассчитывать на компенсацию, но государство об этом не заботилось, поиск компенсации был делом самого бывшего вотчинника. Как читаем в одном из документов, царь «велел против тое вотчины в иных городех дата, где приищет».

В итоге во многих случаях бывшему владельцу так и не удавалось получить новую вотчину взамен утраченной. Таким образом, количество вотчин в руках светских землевладельцев стало уменьшаться. Кроме того, в условиях нестабильности и репрессий многие вотчинники стали передавать свои земли почитаемым монастырям, рассчитывая найти за их стенами приют и спасение. Государственная власть посягала на вотчинную собственность и там, где не было опричных «выводов». Так, в конце 60-х гг. XVI в. у вотчинников Рязанского уезда была отобрадена половина их владений, чтобы раздать их в поместья переселенцам из взятых в опричнину уездов.

Террор как характерная черта опричного режима

Опасаясь мятежа детей боярских, царь проявлял особую заботу об укреплении своей безопасности. Его резиденции в разных местах страны были сильно укреплены, столица его опричного удела — Александрова слобода превращена в неприступную крепость. Одновременно царь использовал все более жестокие меры для подавления недовольных.

Террор особенно усилился с осени 1567 г., когда царь получил сведения, что недовольные земские бояре хотели бы видеть на троне его двоюродного брата, князя Владимира Андреевича. Главного среди недовольных, боярина Ивана Петровича Федорова, царь сам заколол 11 сентября 1568 г. Тело убитого было брошено в навозную яму. После этого Иван IV с опричниками объехал расположенные в разных уездах страны вотчины И. П. Федорова. Опричники убивали боярских слуг, истребляли скот, сжигали боярские дворы с находившимися там запасами хлеба. Против массовых казней десятков и сотен человек выступил глава русской церкви — митрополит Филипп, который во время торжественного богослужения в

Успенском соборе потребовал справедливого суда над обвиненными и наказания клеветников, по доносам которых производились казни. По требованию царя 4 ноября 1568 г. собор епископов сместил Филиппа с митрополичьей кафедры, затем он подвергся публичному поруганию и был заточен в Тверском Отроче монастыре, где его позднее задушил главный палач царя Малюта Скуратов. Осенью 1569 г. царь приказал отравить князя Владимира Андреевича Старицкого вместе с его семьей.

Особенно жестокие меры были предприняты в отношении Новгорода и Новгородской земли, когда к царю поступили сведения, что новгородцы якобы хотят перейти под власть великого князя литовского и польского короля Сигизмунда II Августа. Когда в начале января 1570 г. царь с опричным войском подошел к Новгороду, начавшиеся здесь преследования и казни далеко превзошли все, что было до этого. Приказной аппарат, управлявший Новгородской землей, был истреблен почти полностью. Вместе с приказными людьми подверглись казни многие приближенные новгородского архиепископа и новгородские дети боярские. По Новгородской земле ходили отряды опричников, сжигая усадьбы «изменников» вместе с находившимися там запасами хлеба и скотом. Иван IV наложил свою тяжелую руку и на новгородское духовенство. Казна новгородских монастырей была конфискована, а затем монастырских старцев поставили на правеж и били палками, требуя от них денег. Наконец, царь забрал себе все товары, находившиеся в амбарах и лавках на новгородском торге, а дома посадских людей были разграблены опричниками. Так, карая «изменников», царь одновременно добывал средства, необходимые для ведения Ливонской войны.

Причины отмены опричнины

Одной из важных черт опричного режима было то, что опричники были фактически поставлены над правом. Все судебные споры с земскими людьми автоматически решались в их пользу. Опричники вообще освобождались от ответственности за действия, совершенные по отношению к жителям «земщины». Все это вело к росту злоупотреблений и произвола. Так, не считаясь с установленными законом сроками и правилами крестьянских переходов, опричники силой увозили к себе крестьян из владений земских детей боярских. Со временем злоупотребления, грабежи и насилия опричников приобрели такой размах, что под угрозой оказалось сохранение элементарного порядка в стране. Царь был вынужден провести расследование, наглядно показавшее размер ущерба, нанесенного стране действиями опричников.

К этому следует добавить, что с конца 60-х гг. в опричном дворе начались раздоры между отдельными группами опричных приближенных

Ивана IV, которые, стремясь взять верх над соперниками, обвиняли их в измене. В 1570—1571 гг. имели место казни многих видных деятелей опричного двора — одних как «изменников», других как повинных в злоупотреблениях. Все это подорвало убежденность царя в верности и надежности его опричных слуг. Осенью 1572 г. разделение страны на две части было ликвидировано. Был восстановлен единый государев двор. Однако полного возвращения к доопричным порядкам не произошло. Владельцы вотчин, утраченных в годы опричнины, получили право хлопотать об их возвращении. Но осуществить это право на практике было непросто хотя бы потому, что новым владельцам следовало предоставить компенсацию. К тому же и время, когда можно было предпринимать такие хлопоты, оказалось недолгим. Осенью 1575 г. царь снова разделил страну на две части.

Восстановление в стране режима, подобного опричнине

Снова значительная часть страны была выделена в особый удел царя, получивший теперь название «двора», со своим особым двором, особым войском и особыми органами управления. Снова проводился набор детей боярских в особый «двор» и особое «войско». Заслужившие доверие царя переселялись на земли царского удела, а не заслуживших «выводили» в «земские» уезды. Таким образом, практика массовых переселений детей боярских во второй половине 70-х гг. XVI в. возобновилась. «На подъем» для нового особого царского войска «земщина» выплатила в 1576 г. 40 тыс. руб. В эти годы получила продолжение и политика, направленная против родового землевладения княжеской знати. В 1580 г. царь приказал «стародубским князем за их вотчины денги давати из наше казны, а их вотчины в поместья раздавати». Все это дает основание охарактеризовать режим, установившийся в стране осенью 1575 г., как «новую опричнину». Этот порядок сохранялся до кончины Ивана IV, последовавшей 18 марта 1584 г.

Итоговое изменение характера отношений между властью и сословиями

К каким же важным объективным переменам в жизни общества и в сфере отношений общества с властью привела политика Ивана IV Грозного? Его политика привела к настоящему разгрому родового землевладения княжеской знати. В первой половине XVII в. в руках князей — потомков Рюрика в Суздале, Ростове, Ярославле и Стародубе сохранились лишь обломки их родового землевладения.

Другим, очень важным итогом всех этих перемен стал резкий рост удельного веса поместных земель в общем землевладении русского дворянства. Это землевладение безраздельно господствовало на окраинах, но даже на территориях Центра государства, где истари существовало вотчинное землевладение, доля вотчин в общем фонде земель, находившихся во владении детей боярских, стала совсем незначительной: в Романовском уезде — 6%, в Малоярославецком — 5%. К концу XVI в. русский сын боярский превратился в помещика — владельца земли, принадлежавшей государству, которой он мог пользоваться лишь до тех пор, пока оно было довольно его службой. Все это означало превращение дворянства в «служилое» сословие, подчиненное контролю и руководству государственной власти. Так было разрешено противоречие, наметившееся в историческом развитии России в результате реформ 50-х гг. XVI в.,

Изменение характера отношений между государственной властью и сословиями закономерно вело к изменению характера местного управления, которое после реформ 50-х гг. перешло к органам сословного самоуправления. Старые органы самоуправления сохранялись, но с 70-х гг. XVI в. все более подчинялись руководству, представителей власти, снова назначавшихся в Москве и оттуда присылавшихся. Первоначально они носили разные названия — «приказных людей», «судей» и т.д. У «приказных людей» и «судей», присутствие которых постепенно становилось постоянным, со временем формировался и собственный аппарат из дьяков и подьячих. Все эти перемены подготавливали создание так называемой воеводской системы управления, когда судебно-административная власть на территории уезда была сосредоточена в руках «воеводы» — присылавшегося из Центра боярина или сына боярского, не связанного с местным населением и проводившего политику, угодную государственной власти.

Не осталась в стороне от происходивших перемен и церковь. В годы опричнины решения церковного собора 1551 г., обеспечивавшие определенную автономию церкви перед лицом государства, были фактически отменены: Иван IV снова стал выдавать «несудимые грамоты», подчинявшие отдельных духовных лиц и целые их группы его власти и одновременно освобождавшие их от судебно-административной власти епископов. В годы опричнины объектом террора стали и многие духовные лица. Царь не только смещал с кафедр, но и казнил вызвавших его недовольство церковных иерархов. Например, одного из высших церковных иерархов, новгородского архиепископа Леонида, зашив в медвежью шкуру, травил собаками. Царь налагал руку и на церковную казну: так, в 1574/1575 г. по его приказу из Троице-Сергиева монастыря были изъяты деньги и драгоценная утварь, пожертвованная обители его предшественниками, церковными иерархами и боярами. Хотя церковь сохранила свои земельные владения и даже умножила их за счет вкладов скрывавшихся от репрессий вотчинников, но, как и другие сословия русского общества, она оказалась подчиненной жесткому контролю

и руководству со стороны государственной власти.

Отношение дворянства к политике Ивана IV и опричнине

Что же сделало возможным такой поворот в развитии страны? Почему политика Ивана IV, многочисленные казни и переселения не встретили организованного вооруженного сопротивления со стороны «земских» детей боярских, привыкших владеть оружием и обладавших своими органами самоуправления?

Несомненно, важную роль сыграли представления о царе как главе всего христианского мира, облеченном самим Богом миссией утверждения и распространения в нем православной веры. В свете этих представлений выступление против царя воспринималось как преступление не только политическое, но и религиозное. Имело значение и то, что в сильной государственной власти дети боярские видели единственную защиту от опасности, исходившей от внешнего, враждебного мира.

Однако имели место и другие важные причины. Дети боярские нуждались в сильной государственной власти, которая могла бы превратить фонд государственных «черных» земель в их владениями помочь им подчинить своей власти крепкую и сплоченную крестьянскую общину. А в этом отношении правительство Ивана IV оправдывало их надежды. Так, оно продолжало практику раздачи в поместья «черных» земель, начатую предшественниками царя. Именно в годы опричных переселений производились массовые раздачи «черных» земель помещикам во многих уездах Центра.

Кроме того, малая продуктивность сельского хозяйства и небольшие размеры поместий сплошь и рядом создавали такую ситуацию, когда сын боярский нуждался для более или менее сносного существования в материальной поддержке. Такую поддержку ему могла оказать лишь сильная государственная власть, способная подчинить себе сектора народного хозяйства, лежащие за рамками поместных земель, и изымать из них средства, направлявшиеся затем на материальную поддержку дворянского сословия.

Действие всех этих факторов привело к тому, что за вычетом тех немногих людей, которые, как князь Андрей Курбский, не желая мириться с политикой царя, бежали в Литву, основная масса детей боярских мирилась с ограничением своих прав со стороны самовластного монарха.

Несомненно, Ивану IV удалось во многом пересмотреть нежелательные для него результаты реформ 50-х гг. XVI в. и значительно усилить свою власть, но удалось ли ему превратить все общество в массу людей, готовых покорно выполнять распоряжения царя и его преемников?

В том, что дело обстоит не так и терпение дворянства имеет свои

границы, сам Иван IV мог убедиться в конце своего правления, в последние годы Ливонской войны. Долголетняя война разорила страну, наряду с доходами других групп населения упали и доходы помещиков, многие из которых были вынуждены буквально бороться за свое существование. В этих условиях стало нарастать пассивное сопротивление дворянства политике царя, нашедшее свое выражение в массовом уклонении от военной службы. Практика эта приняла столь широкие размеры, что обычные меры (как, например, лишение сына боярского поместья за неявку на службу) оказались неприменимыми. В конце 1580 г. царь был вынужден созвать представителей сословий, чтобы решить, продолжать войну или заключать мир. Правда, такие совещания царь собирал и раньше. Так, в 1566 г. он уже призывал к себе представителей дворянства и московского купечества для решения вопроса о войне или мире с Великим княжеством Литовским. Но тогда речь шла о том, чтобы показать противнику — Сигизмунду II, что русские сословия поддерживают политику царя, и все совещание шло по заранее подготовленному сценарию. Однако в 1580 г. положение было иным. Представители дворянства заявили, что они не в состоянии нести службу с разоренных поместий, и ходатайствовали о заключении мира. И мир вскоре был заключен. Когда после смерти Ивана IV близкие к покойному царю люди пытались сохранить опричный порядок, в Москве вспыхнуло восстание. Находившиеся в городе дворянские отряды и горожане Москвы осадили Кремль, и разделение страны на две части было ликвидировано.

Другие итоги политики Ивана IV, однако, не были пересмотрены и наложили глубокий отпечаток на положение разных слоев русского общества на отношения с властью на рубеже XVI—XVII вв.